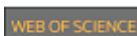

Федорова В. И. Сельское население Енисейской губернии на рубеже XIX—XX веков: социально-демографическая динамика / В. И. Федорова // Научный диалог. — 2020. — № 11. — С. 477—494. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-477-494.

Fedorova, V. I. (2020). Rural Population of the Yenisei Province at the Turn of the XIX—XX Centuries: Socio-Demographic Dynamics. *Nauchnyi dialog*, 11: 477-494. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-477-494. (In Russ.).

УДК 94:314.8(571.5)“18/19”

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-477-494

СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВЕКОВ: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА

© Федорова Вера Ивановна (2020), orcid.org/0000-0003-2514-9728, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева» (Красноярск, Россия), vi-fedorova@yandex.ru.

Выявляется динамика количественных и качественных изменений в сельском населении Приенисейского края с позиций теории демографической модернизации. Выявляются этапы и особенности демографических процессов в субрегионе, обусловленные его геоэкономическим положением, влияние колонизационного фактора на рождаемость, смертность, брачность, темпы роста населения, изменения демографического поведения крестьянства, его этнический состав. На основе анализа текущей административной статистики, опубликованной губернским статистическим комитетом в ежегодных «Обзорах» губернии и «Памятных книжках», а также материалов Первой Всероссийской переписи населения 1897 года автор приходит к выводам, что аграрные миграции в крае в начале XX века приобрели взрывной характер, в отличие от аналогичного процесса в Западной Сибири, который был растянут во времени. Это привело к тому, что формирование новой демографической модели, характерной для общества модерна, прошло специфично, так как в переселенческой среде доминировали признаки традиционной модели: высокая рождаемость и смертность, большая людность крестьянской семьи, более молодой возрастной состав, интенсивная брачность, редкие семейные разделы.

Ключевые слова: история России; демография России; Енисейская губерния; сельское население; крестьянская колонизация; переселенческая политика.

1. Введение

Изучение взаимовлияния социальных и демографических процессов признается в современной науке одной из актуальных проблем, которая лежит на стыке таких гуманитарных наук, как история, историческая демография, новая социальная история. Динамика численности, структура населения, рождаемость, смертность и миграции являются мощными факторами социальных изменений, формирования особенностей тех или иных социальных феноменов и процессов. Особую остроту эта проблема имеет для изучения общества в переходном состоянии, когда внутри старых социальных структур постепенно

вызревают новые институты, социальные и моральные нормы, определяющие стереотипы поведения различных социальных групп.

В отечественной исторической демографии обозначенная проблема рассматривается через призму теории демографического перехода, получившей фундаментальную разработку в трудах А. Г. Вишневского, Б. Н. Миронова [Вишневский, 1998; Миронов, 2014]. На сибирском материале социально-демографические проблемы на рубеже XIX—XX веков с позиций демографического перехода анализировались в исследованиях В. А. Зверева А. Н. Сагайдачного, Ю. М. Гончарова, В. А. Скубневского, В. А. Исупова [Гончаров и др., 2007; Зверев, 2014; Сагайдачный, 2000]. Однако их утверждения о синхронности этого процесса с европейской частью страны в большей мере основываются на данных по Западной Сибири. Надо отметить, что демографические исследования этого субрегиона очень сильно продвинулись вперед по сравнению с изучением Восточной Сибири. Между тем они имеют весьма существенные различия в динамике и результатах демографических процессов. Поэтому возникает вопрос, насколько обоснованно распространять эти выводы на губернии Восточной Сибири.

В настоящей статье рассматриваются особенности социально-демографической динамики сельского населения Енисейской губернии на рубеже XIX—XX веков под влиянием миграционного фактора. Губерния занимала пограничное положение между западным и восточным субрегионами Сибири, но была слабо связана с ними транспортными и экономическими связями, представляя вполне автономный кластер. Специфика ее положения во многом определяла ее роль и место в колонизационном освоении Сибири русским населением. Территория края долгое время оставалась слабо заселенной, имея после Якутской области самый низкий коэффициент плотности населения в Сибири. Огромный колонизационный потенциал края оставался не раскрытым. Лишь проведение Транссиба резко изменило ситуацию. Начавшееся массовое переселение стало триггером глубоких количественных и качественных изменений в социально-демографической структуре населения губернии.

Их изучению посвящена солидная научная литература. Одним из первых исследований, в котором был дан анализ численности и структуры сельского населения, стала коллективная работа «Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний» [Материалы..., 1893]. Очерк о сельском населении губернии был написан действительным членом Енисейского губернского статистического комитета В. Ю. Григорьевым. Материалы не утратили своего значения как достоверный источник по социально-экономической проблематике и демографии, несмотря на ряд недостатков методологического характера, свойственных дореволюционной статистике.

В советский период к изучению проблемы обратился известный статистик А. Р. Шнейдер, сделав очерк истории формирования, размещения, динамики численности и этно-социальной структуры населения, начиная с образования губернии и заканчивая 1926 годом. Шнейдер, оперируя данными губернского статистического комитета, убедительно доказал, что рождаемость сельского населения в течение всего пореформенного периода и вплоть до 1926 года имела тенденцию к повышению, обосновав это влиянием миграций [Шнейдер, 1928, с. 19].

В последующие годы советские историки уделяли большое внимание изучению колонизационных процессов в Сибири, однако рассматривали их, главным образом, под углом влияния на социальную дифференциацию крестьянства. В трудах Л. М. Горюшкина, В. А. Степынина, Л. Ф. Складорова, В. Г. Тюкавкина были выявлены различные социальные группы крестьян по обеспеченности землей и рабочим скотом, степень и масштабы применения наёмного труда в различных социальных типах крестьянских хозяйств [Горюшкин, 1976; Складоров, 1962; Степынин, 1962; Тюкавкин, 1966]. Авторы попутно касались вопросов численности и условий демографического воспроизводства крестьянства, заложив предпосылки для более углубленного специального изучения крестьянского населения как предмета исторической демографии.

Следует также отметить исследования В. В. Воробьева, В. М. Кабузана, В. В. Покшишевского, В. И. Пронина, в которых аграрные миграции рассматривались в рамках общих закономерностей социально-демографических процессов на общесибирском материале [Воробьев, 1975; Кабузан, 1979; Покшишевский, 1951; Пронин, 1981].

В последние годы под влиянием актуализации историко-демографической проблематики историки всё чаще обращаются к различным аспектам изучения населения Приенисейского края. В работах Т. А. Кискидосовой, В. И. Федоровой, А. С. Шилиной рассматриваются отдельные социальные, этнические и гендерные группы населения края, но они пока являются лишь фрагментами общей картины социально-демографического развития края, которую еще только предстоит описать [Кискидосова, 2010; Федорова, 2016; Шилина, 2015].

Основным источником исследования является текущая административная статистика численности и естественного движения населения Енисейской губернии, собранная губернским статистическим комитетом, материалы которого фигурировали в ежегодных печатных «Обзорах» губернии и «Памятных книжках». Исключительное значение имеют данные Первой всеобщей переписи населения 1897 года, опубликованные в 1904 году.

В статье ставится задача выявления динамики количественных и качественных параметров сельского населения Приенисейского края, поскольку именно оно, а не городское определяло ведущие тренды демографии, по которым мож-

но судить об их направленности. Во-первых, потому что крестьянство благодаря активизации аграрных переселений с конца 1890-х годов являлось наиболее динамично растущей группой, составившей к концу изучаемого периода 82,1 % населения края. Во-вторых, оно через внутреннюю миграцию, усилившуюся в начале XX века, оказывало решающее воздействие на численность, структуру и демографическое поведение городского населения.

2. Динамика численности сельского населения

Основной контингент сельского населения Енисейской губернии составляло крестьянство. Близко к нему по образу жизни и ментальности стояли казаки и мещане, которые в общей массе сельского населения составляли 2—3 %. Можно считать оправданным мнение В. А. Зверева о перенесении на эти социальные группы определения «крестьянское население» и рассматривать их в рамках общего типа «демографического и социализирующего поведения» [Зверев, 2014, с. 6].

Анализ динамики численности населения в губернии показывает, что среднегодовой прирост в первые два пореформенных десятилетия составлял 4—5 тыс. человек. Происходил он, главным образом, за счет естественного прироста, колонизационный фактор в первые пореформенные десятилетия не имел решающего значения для воспроизводства населения, давая всего лишь 1/12 часть населения [Материалы ..., 1893, с. 98]. Динамика движения переселенцев в губернию в первые пореформенные десятилетия выглядела следующим образом: с 1865 по 1870 годы прибыли — 6867 человек; 1870—1875 — 4408; 1875—1880 — 3562; 1880—1885 — 6045; 1885—1890 — 9028 [Там же, с. 35]. Таким образом, вольные переселенцы в среднем ежегодно увеличивали население края на 1100—1200 человек. Лишь к концу XIX века в связи со строительством Транссиба роль колонизационного фактора заметно возрастает. В итоге доля переселенцев из других губерний выросла в округах, составив мужчин — 30,05 %, женщин — 20,11 %. В целом доля уроженцев других губерний обоого пола составила 26,95 % [Первая Всеобщая перепись ..., 1904, т. 73, с. VI].

Гораздо более многочисленную прибавку на раннем этапе давали ссыльнопоселенцы — 2—2,5 тыс. человек в год. Однако большая их часть, как правило, ненадолго оставались на одном месте. При подворных переписях неизменно выявлялось, что на местах оставалась лишь 1/5 ссыльнопоселенцев. Остальные либо уходили по отпускным билетам на прииски, либо пустились в бега или нищенствовали.

Ссыльные слабо влияли на воспроизводство населения, так как не имели моральной мотивации к семейной жизни, да и по своим физическим качествам мало к ней были способны. Смертность среди них вдвое превышала показатель

средней смертности местного населения. Лишь немногие обзаводилась семьями, но, как правило, такие семьи были малодетными. Средняя людность семей ссыльнопоселенцев составляла 1,5 человека [Материалы ..., 1893, с. 73].

Активизация переселенческого движения в 1890-е годы резко ускорила темпы роста населения. Ежегодный прирост населения увеличился почти в 4 раза, достигнув 17,5 тыс. человек, или более 3 %, что было существенно выше общероссийских — 1,8—2 % [Рашин, 1956. с. 21]. При этом особенно динамично росло именно крестьянство.

Если сравнивать темпы роста населения в округах (вместе с городами) и крестьян в округах, то мы видим, что там, где доля крестьян в структуре населения выше, там и темпы роста населения округа выше — Ачинский, Канский, Минусинский (табл. 1). Это именно те округа, куда направлялся основной поток переселенцев. Если численность населения в губернии выросла на 76 %, то крестьянское увеличилось на 152,3 %. В целом доля крестьян в составе населения выросла за 1863—1897 гг. с 56 % до 80,12 % в структуре губернского населения.

Таблица 1

Динамика численности населения округов Енисейской губернии*

Округа	1863	1890	1897	Рост %
Енисейский				
Население в округе	44711	54448	67536	51,0
Крестьян в округе	30546	40476	58253	90,7
Красноярский				
Население в округе	64170	92638	99156	54,5
Крестьян в округе	32975	49593	81835	148,2
Канский				
Население в округе	54794	79047	96202	75,5
Крестьян по округу	31735	51206	82410	159,7
Ачинский				
Население в округе	56391	85995	111466	97,7
Крестьян по округу	31177	49957	94229	202,2
Минусинский				
Население в округе	90252	120325	182733	102,5
Крестьян по округу	43786	80897	135729	209,9
Население в губернии	323014	447448	570161	76,0
Крестьян в губернии	181068	272059	456862	152,3

* С учетом городского населения в округах.

Подсчитано по: [Обзор Енисейской губернии [по годам] 1871—1897 гг.; Памятная книжка Енисейской губернии на 1863 г.].

3. Рождаемость и смертность как факторы роста населения

В начале пореформенного периода динамика естественного прироста населения носила консервативный характер: рождаемость и смертность

годами держались в пределах незначительных колебаний. Резкие скачки имели место, но, как правило, они были связаны с форс-мажором: эпидемиями, неурожаями. В целом в 1860—1880 годы рождаемость колебалась в пределах 48—50 на 1 тыс., а смертность составляла 34—36 %. Ежегодно сельское население прибывало в среднем на 3—5 тыс. человек. Такая же консервативная динамика наблюдалась и в первой половине 1890-х годов. Если в Западной Сибири в это время заметно возрастает переселенческий поток, то до Енисейской губернии он доходил лишь слабыми отголосками. При сравнении динамики демографических коэффициентов в Томской и Енисейской губерниях отчетливо видно, что на западе наблюдается резкий всплеск рождаемости, превысивший обычную в 1,3 раза (табл. 2). Его давали переселенцы, которые стремились к увеличению людности семьи, игравшей свою роль в распределении земельных наделов и в перспективе повышавшей обеспеченность крестьянского хозяйства рабочими руками. Но одновременно повышается и смертность. В то время как в Енисейской губернии стрелки демографического барометра как бы застыли на одном уровне.

Таблица 2

Естественное движение сельского населения
в Томской и Енисейской губерниях в конце XIX века

Томская губерния			
Годы	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост
1887—1889	48,6	25,5	23,1
1890—1892	48,6	30,0	18,6
1893—1895	63,6	37,1	26,5
Енисейская губерния			
1887—1889	55,1	39,1	16,0
1890—1892	52,1	36,6	15,5
1893—1895	53,9	38,9	15,0

Подсчитано по: [Зверев, 2014, с. 233; Обзор Енисейской губернии [по годам] 1871—1897 гг.].

Анализ данных смертности по возрастным группам показывает, что наибольший ее процент приходился на две группы детского возраста: до 1 года — 40,9 % и от 1 года до 5 лет — 18,7 % [Материалы ..., 1893, с. 70]. Таким образом, в зоне риска оказывалось 2/3 всех детей до пяти лет. Основной причиной являлось бедственное положение здравоохранения и крайне низкий санитарный уровень населения. В губернии почти полностью отсутствовала медицинская профилактика, единственной формой которой было оспопрививание, но оно охватывало всего лишь 53 % населения губернии.

4. Половозрастная структура населения

На динамику естественного прироста несомненное влияние оказывал физический тип и половозрастная структура населения. Для Енисейской губернии, как и для всей Сибири, было характерно устойчивое преобладание мужчин. В начале пореформенного периода в губернии на 100 мужчин приходилась 90,2 женщины (табл. 3). При этом довольно большой разброс отмечается по округам: в Красноярском — 86,7; Енисейском — 94,8; Канском — 86,7; Ачинском — 103; Минусинском — 92,9. Это можно объяснить влиянием ссыльнопоселенцев. В тех округах, где их доля была довольно внушительной, гендерный дисбаланс был сильнее выражен. Среди ссыльного контингента на 100 мужчин приходилось 54,7 женщин.

Таблица 3

Соотношение мужчин и женщин в сельском населении
Енисейской губернии

Округ	1863			1890			1897		
	Муж.	Жен.	Жен. на 100 муж.	Муж.	Жен.	Жен. на 100 муж.	Муж.	Жен.	Жен. на 100 муж.
Красноярский	28981	25142	86,7	48968	27398	55,9	53182	45974	86,4
Енисейский	19201	18680	94,8	26031	21769	87,6	36044	31492	87,3
Канский	28199	24364	86,7	44185	28883	65,4	53430	42772	80,0
Ачинский	26124	27090	103	45088	79,2	79,2	57293	54173	94,6
Минусинский	44756	41604	92,9	66745	53580	80,2	92174	90559	98,2
В округах губернии	155749	140910	90,5	236621	170762	72,2	265194	242083	91,3
В губернии в целом	169856	153158	90,2	261702	193056	73,8	298968	271193	90,7

Подсчитано по: [Обзор Енисейской губернии. [по годам] 1871—1897; Памятная книжка Енисейской губернии 1863—1865].

На понижение доли женщин в 1880-е годы в структуре населения сыграло и увеличение переселенческого потока. После принятия в 1881 и 1889 годах законов, существенно облегчавших условия переселения крестьян из европейской части страны на восточные окраины, переселенческое движение активизировалось. Однако до строительства Транссиба в составе переселенцев в основном преобладал мужской контингент, семейных было мало, так как многомесячное путешествие по Сибирскому тракту требовало от переселенцев невероятного напряжения физических и моральных сил.

Определенное влияние на соотношение полов оказывал сословный состав населения округа. Там, где преобладало крестьянство, отмечается самое сбалансированное соотношение полов. Дело в том, что именно среди крестьянства наблюдалось практически равное соотношение полов, а кое-где женский контингент даже превосходил мужской. Так, в Енисейском, Канском и Ачинском округах оно выражалось в следующей пропорции: на сто крестьян мужского пола приходилось соответственно 101, 102 и 112 женщин. Однако в целом коэффициент соотношения полов в Енисейской губернии был ниже общесибирского — 93,7.

Возрастной состав населения губернии также имел специфику в сравнении как с общероссийскими, так и общесибирскими показателями. Из таблицы видно, что в сельском населении губернии было меньше представителей младшего детского и юношеского возраста (45,65 %) по сравнению с европейскими губерниями, где они составляли практически половину населения — 49,9 % (табл. 4). Зато по доле среднего возраста, среди представителей которого явно лидировали мужчины, жители губернии опережали своих собратьев из коренной России. Это означает, что в структуре населения трудоспособный контингент (от 20 до 49 лет) был выше (37,8 % против 36,3 %, соответственно), что не могло не сказаться положительно на хозяйственном потенциале сибирских крестьян. Более весомой была старшая группа (пятьдесят +), составлявшая 16,42 % против 13,7 % в губерниях Европейской России. Это может рассматриваться как косвенный показатель более высокого уровня жизни сибиряков.

Таблица 4

Распределение населения в сельской местности по возрастам

Возрастные группы	В округах без городов				В сельской местности в 50 губерниях Европейской России %
	Муж.	Жен.	Обоего пола	%	
От 0 до 1 года	9434	9600	19034	3,75	3,7
От 1года до 9 лет	56580	56730	113310	22,3%	24,6
От 9 до 19 лет	50061	49520	99581	19,6	21,6
От 20 до 29 лет	37000	36263	73263	14,6%	14,9
От 30 до 39 лет	34386	29738	64124	12,6%	12,1
От 40 до 49 лет	29579	24382	53961	10,6%	9,3
От 50 до 59 лет	22999	17380	40379	7,9%	6,7
От 60 до 69 лет	14920	10768	25688	5,14	4,5
От70 до 79	6903	5354	12437	2,45	2,0
80+	3163	2239	5402	1,06	0,5

Подсчитано по: [Первая Всеобщая перепись ..., 1904, с. 6—7; Рашин, 1956, с. 265].

Если рассматривать возрастную структуру в гендерном аспекте, то мы видим, что в двух первых возрастных группах (до года и от 1 года до 9) девочки с небольшим отрывом преобладают, но начиная с 3-й когорты идет постепенный разрыв. Сначала небольшой — в 541 человек в группе от 10 до 19 лет, потом он начинает возрастать (737) и держится на максимуме, достигнув 5619 чел. в когорте 50—59 лет. Таким образом, разрыв в самой многочисленной группе среднего возраста между мужчинами и женщинами составляет в среднем 4,5—5,5 тыс. В старших возрастных группах он хотя и сохраняется, но практически сходит на нет. К социальным причинам, объясняющим эту разницу, о которых говорилось выше, можно добавить, что нарастание разрыва в численности между мужчинами и женщинами приходится на то время, когда на женщину падали нагрузки, связанные с рождением детей и ведением семейного хозяйства. Смертность женщин этих возрастов была существенно выше, чем у мужчин.

5. Брачность, семья

Демографическое поведение крестьянства определялось традиционным типом, для которого были свойственны жесткие стандарты, обусловленные хозяйственно-экономической целесообразностью и давлением социальных и религиозных стереотипов. Обычным явлением была ранняя брачность — до 30 лет. На возрастные группы от 15 до 30 лет приходилось браков у мужчин — 83,5 %, а у женщин — 93,2 % [Материалы ..., 1893, с. 72]. В среднем на 1 тыс. человек браков в сельской местности приходилось в 1861 году — 8,3; 1870 — 8,4; 1886—1890 годах — 7,3; 1891—1895 — 8,2. Это ниже, чем в европейской части России (8,8), что объясняется отмеченными гендерными диспропорциями. Существенными были различия между мужчинами и женщинами по возрастным группам. Так, почти половина девушек (47,99 %) выходила замуж, не достигнув 20 лет, а семейных мужчин из этой возрастной группы было только 28,4 %. [Обзор ..., 1875, с. 50].

Главным мотиватором, побуждавшим крестьян к браку, являлась хозяйственная необходимость, поскольку крестьянское хозяйство носило семейный характер, ведение которого было невозможно без естественного разделения труда между мужчиной и женщиной. Во-вторых, семейная жизнь — важнейшее условие продолжения рода и одновременно увеличения рабочей силы, на которой держалось крестьянское хозяйство. Как сообщал бытописатель Г. Пейзен, минусинские крестьяне старались как можно раньше женить сыновей «для того, чтобы размножить семейство и увеличить работников» [Пейзен, 1903, с. 333]. Не последнюю роль играли аскриптивные нормы поведения, доминировавшие в крестьянстве, согласно которым считалось, что иметь семью означало быть добрым христианином, поскольку брак был освящен церковью.

Хотя преобладающей формой семьи в Сибири, как и по всей России, являлась патриархальная, однако к концу пореформенного периода ее активно начинает вытеснять нуклеарная модель. Несмотря на циркуляр МВД 1886 года, ограничивавший семейные разделы среди крестьян, их количество возрастает. Так, в девяти волостях Минусинского округа в 1874 году ежегодно производилось по 172 раздела, 1875 — уже 182, 1876 — 176, 1877 — 217 [Долидович и др., 2008, с. 54]. Лишь в удаленных уголках губернии, изолированных от внешнего влияния, сохранялись многопоколенные семьи.

Таким образом, социально-демографическая ситуация в Енисейском субрегионе вплоть до конца 1890-х годов характеризовалась относительной стабильностью. Динамика численности населения определялась преимущественно естественным приростом, который слабо регламентировался социально-культурными нормами и был близок к биологическому максимуму. Особенно динамично росло крестьянское население, его темпы роста превышали общегубернские. Высокая рождаемость стимулировалась потребностью в рабочих руках для крестьянского хозяйства, поскольку возможности других способов увеличения производительности крестьянского хозяйства были ограничены. Миграционный фактор на этом этапе пока слабо влиял на демографические процессы.

6. Изменения в демографии под влиянием массовых переселений в начале XX века

Положение меняется на рубеже XIX—XX веков. На этом этапе решающими факторами, определявшими интенсивность переселенческого потока, становятся нарастание аграрного перенаселения в центре страны и проведение Транссиба, заметно облегчившего условия передвижения. Не последнюю роль сыграли голодные 1891 и 1901 годы. Голод 1901 года охватил 17 центральных губерний, миллионы людей. Однако даже и в относительно благоприятные годы земледельческое население постоянно испытывало продовольственный дефицит вследствие неспособности крестьянского хозяйства в условиях малоземелья и низкой агрикультуры обеспечить собственное воспроизводство. Это и гнало миллионы крестьян в Сибирь.

Роль Енисейской губернии как территории, куда направляется переселенческий поток, в начале XX века заметно возрастает, так как в западносибирских губерниях колонизационный фонд уже был близок к исчерпанию. Если в 1891 году в губернию водворились только 1,4 % всех переселенцев, прибывших в Сибирь, то в 1903 году их уже было 16,3 % [Степынин, 1962, с. 95]. По числу прибывших Енисейская губерния занимала третье место, уступая Томской и Тобольской.

Вторая волна переселений обрушилась на губернию в годы аграрной реформы П. А. Столыпина. За 1906—1914 годы в Енисейской губернии во-

дворились 223 376 переселенцев. Пик переселенческого движения пришелся на 1909—1910 годы, за эти два года водворилось 45 % от общего числа прибывших в губернию. В годы Первой мировой войны интенсивность переселенческого потока резко упала, в целом за 10 лет реформы в губернию переселилось 274 516 человек, что составляет 66,5 % от числа всех переселившихся за 1861—1916 годы [Там же, с. 322].

Массовые переселения привели к резкому росту численности населения губернии. Если в пореформенное время среднегодовой прирост составлял 5—6 тыс. человек, то в последнее десятилетие он превысил 50 тыс. в год. Если главным источником роста населения в 1860—1890 годы являлся естественный прирост, то на завершающем этапе решающим стал миграционный фактор. Механический прирост превысил естественный. В среднем ежегодно в губернии водворялось около 20 тыс. человек. К 1917 году переселенческий контингент составил 56,4 % сельского населения, превывсив, таким образом, старожильческое население.

Одновременно выросла рождаемость. В 1910 году в сельской местности она достигла своего пика, составив 60,3 %, что совпадает с пиком притока переселенцев. Максимальных значений достигает естественный прирост, составивший в сельской местности в 1910—1914 21,9 %, что выше обще сибирского показателя — 20,4 %, а также в Западной и Восточной Сибири — 20,9 и 19,0, соответственно [Зверев, 2014, с. 244]. На его увеличение оказало влияние снижение смертности: с 38,2 % до 35,6 % по сравнению с предшествующим периодом. Однако она всё равно превышала общий сибирский показатель — 32,2 %. По-прежнему в XX веке сохранялась высокая детская смертность: до года — 47,4 %, от 0 до 5 лет — 63,7 %.

Таблица 5

Движение населения в Енисейской губернии 1910—1914 годов

Годы	Численность сельского населения	Рождаемость %	Смертность %	Прирост населения %
1910	842838	60,3	37,5	22,8
1911	887057	57,2	32,8	24,4
1913	971975	55,5	35,6	19,9
1914	980786	56,8	36,4	20,4
Средняя		57,2	35,6	21,9

Подсчитано по: [Обзор Енисейской губернии [по годам] 1910—1915].

Массовое переселение привело к заметному возрастанию доли крестьянства в социальном составе с 56 % (194790) в 1863 году до 82,1 % (931242) в 1915 году, что связано с увеличением масштабов крестьянской колонизации.

Под влиянием массовых переселений к началу Первой мировой войны сокращается диспропорция между мужчинами и женщинами, хотя и незначительно. Если на 1897 году по уездам губернии она составляла 91,3 женщин на 100 мужчин, то к 1913 — 93,0 [Обзор ..., 1913, с. 35]. Дело в том, что среди переселенцев на этом этапе стало больше семейных. В годы Первой мировой войны в результате массового призыва мужчин на фронт произошел своеобразный реверс гендерной диспропорции — стало больше женщин и меньше мужчин. В уездах губернии на 100 мужчин в 1915 году насчитывалось 105,7 женщин [Обзор ..., 1915, с. 33].

Приток переселенцев положительно повлиял и на брачность, если в предыдущий период она отставала от общероссийских показателей, то в 1905—1910 годах она делает резкий скачок с 8,2 в 1896—1900 годах до 9,7 браков на 1000 человек.

Качественные изменения произошли в этническом составе сельского населения. До начала массовых миграций среди сельского населения преобладали близкородственные в этническом и конфессиональном отношении группы русских, украинцев и белорусов, составлявших 4/5 всего населения. Второй по численности группой являлось коренное тюркоязычное население, социальный облик которого был близок к крестьянскому, хотя и существенно отличался по типу хозяйственной культуры.

Иноэтнический элемент в селе в основном представляли потомки ссыльнопоселенцев, часть которых компактно проживала в ряде поселений. Это поселения финнов, эстонцев, латышей, немцев в Минусинском уезде, водворенных сюда еще в 1850-х годах. В своих селах они сохраняли протестантскую общину, образование на родном языке, некоторые культурные традиции.

Довольно представительную по численности группу составляли поляки, являвшиеся потомками высланных за участие в польском восстании 1863—1864 годов. Среди них преобладали выходцы из литовских и белорусских земель, часть которых ассоциировала себя с католиками и старалась поддерживать свою идентичность. Они в основном проживали в городах, однако значительная их часть, проживавшая в сельской местности, полностью русифицировалась и слилась с сибирскими крестьянами.

Весьма незначительным в сельской местности был контингент еврейского населения. Его представители, как правило, селились в крупных трактовых селах, занимаясь торгово-ростовщическими операциями. Но в целом иноэтнический элемент в сельской местности в XIX веке был настолько незначительным, что не влиял сколько-нибудь существенно на формирование сибирской идентичности местного крестьянства. Выходцы из коренной России уже в первом поколении осознавали себя сибиряками, проводя четкую грань между собой и «русскими лапотонами».

Начавшееся массовое движение в Сибирь в годы аграрной реформы привело к усилению доли русского элемента, так как среди переселенцев преобладали в основном выходцы из коренной России. Доля русских в общей массе населения губернии выросла с 82,99 % в 1897 году до 86,8 % в 1913 году. Немного снизилась по сравнению с 1897 годом с 1,04 % до 1 % доля поляков. Незначительно вырос процент еврейского населения: с 0,88 % в 1897 до 0,9 % в 1911 году. Среди столыпинских переселенцев заметную долю стали составлять выходцы из Прибалтики и западно-русских земель, их доля выросла до 1,3 % [Памятная книжка, 1913, с. 187]. В конфессиональном отношении преобладало православное население (95,88 %), на другие христианские конфессии приходилось 1,76 %, на мусульман — 0,88 %, иудеев — 1,08 %.

К важнейшим аспектам социально-демографической динамики относятся показатели грамотности населения. Уровень грамотности сельского населения в губернии в первые пореформенные десятилетия рос очень медленно. К началу 1890-х годов по четырем округам (Красноярский, Канский, Минусинский и Ачинский) он составил 6,5 %. Среди мальчиков — 11,2 %, девочек — 1,6 %. Это было меньше, чем в соседней Иркутской губернии — 8,1 % [Материалы ..., 1893, с. 3]. На сто хозяйств грамотных в Иркутской губернии приходилось — 43, Ялуторовском округе Тобольской губернии — 38, Барнаульской волости Барнаульского уезда Томской губернии — 44, а в Енисейской губернии — 31. К концу XIX века грамотность крестьян в губернии выросла, составив 10,3 %, превывсив общесибирский показатель (9,5 %), но в то же время заметно уступая уровню грамотности сельского населения в европейской части — 19,1 % (в целом по России 17,4 %). Старожилы губернии уступали в грамотности новоселам и переселенцам. Так, среди первых уровень грамотности составлял 9,8 %, тогда как у новоселов — 12,1 %, переселенцев — 14,3% [Памятная книжка, 1913, с. 186].

7. Заключение

Подводя итоги социально-демографических изменений в сельском населении Енисейской губернии в XIX—XX веках, можно выделить два этапа: 1) от отмены крепостного права до постройки Транссиба; 2) с конца 1890-х до 1917 года. Первый характеризуется устойчивой динамикой демографических процессов, характерной для традиционного крестьянского уклада. На втором наблюдается резкое их ускорение под воздействием массового переселенческого движения. В переселенческой среде формируется специфическая демографическая модель, для которой характерна высокая рождаемость и высокая смертность, большая людность крестьянской семьи, более молодой возрастной состав, интенсивная брачность, редкие семейные разделы, то есть она ближе к традиционной демографической модели. В по-

следнее десятилетие рождаемость в губернии превышала средние показатели по Сибири (52,6 %), составив 57,2 %, так же, как превышала общие сибирские показатели и смертность в губернии — 35,8 %, против сибирского — 32,9 % [Зверев, 2014, с. 237].

Демографическая модель, характерная для переселенцев, распространялась и на старожилов. Поэтому можно говорить об определенной архаизации социально-демографических трендов в деревне. Стремление ряда современных исследователей усмотреть признаки демографического перехода в Сибири в начале XX века можно квалифицировать как попытку выдать желаемое за действительное. Факт снижения рождаемости и смертности имел место преимущественно в Западной Сибири, но и там он не стал необратимой тенденцией, потому что не был связан с глубокими качественными изменениями в социально-экономическом положении крестьянского хозяйства. Чтобы они произошли, необходимо было кардинальное изменение материально-технической базы крестьянского хозяйства, что позволило бы меньшими трудовыми затратами поддерживать необходимый жизненный уровень для крестьянской семьи и привело бы к снижению ее людности. Вторым условием был рост грамотности и культуры населения. И то и другое как тенденция имело место в царской России, но динамика этих процессов была очень слаба даже в центре страны, не говоря об ее окраинах, к которым относилась Сибирь. России как стране периферийного капитализма была свойственна своеобразная асимметрия модернизации и архаизации, и динамика процессов, в том числе и социально-демографических, развивалась по формуле «шаг вперед, два шага назад».

Источники

1. *Материалы* по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Енисейская губерния. — Иркутск : Типография К. И. Витковской, 1893. — Т. IV. — Выпуск 2. — 129 с.
2. *Обзор* Енисейской губернии за 1875 г. — Красноярск : Типография губернского правления, 1876. — 52 с.
3. *Обзор* Енисейской губернии за 1887 г. — Красноярск : Типография губернского правления, 1888. — 39 с.
4. *Обзор* Енисейской губернии за 1887 г. — Красноярск : Типография губернского правления, 1889. — 38 с.
5. *Обзор* Енисейской губернии за 1890 г. — Красноярск: Типография губернского правления, 1891. — 48 с.
6. *Обзор* Енисейской губернии за 1910 г. — Красноярск : Типография губернского правления, 1911. — 84 с.
7. *Обзор* Енисейской губернии за 1911 г. — Красноярск : Типография губернского правления, 1912. — 68 с.
8. *Обзор* Енисейской губернии за 1913 г. — Красноярск : Типография губернского правления, 1914. — 81 с.

9. *Обзор* Енисейской губернии за 1914 г. — Красноярск : Типография губернского правления, 1915. — 82 с.

10. *Памятная книжка* Енисейской губернии на 1865 и 1866 гг. — Санкт-Петербург : Типография К. Вульфа, 1865. — 314 с.

11. *Первая* Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. [и с предисл.] Н. А. Тройницкого. — Санкт-Петербург : издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. — Т. 73 : Енисейская губерния. 1904. — 185 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вишневецкий А. Г.* Серп и рубль : Консервативная модернизация в СССР / А. Г. Вишневецкий. — Москва : ОГИ, 1998. — 432 с.

2. *Воробьев В. В.* Формирование населения Восточной Сибири / В. В. Воробьев. — Новосибирск : Наука, 1975. — 259 с.

3. *Гончаров Ю. М.* Начальный этап демографического перехода в городах Западной Сибири / Ю. М. Гончаров // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. — Усть-Каменогорск : Либриус, 2009. — 432 с.

4. *Горюшкин Л. М.* К характеристике народонаселения Сибири периода империализма / Л. М. Горюшкин // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири. — Новосибирск : Наука, 1975. — С. 75—89.

5. *Долидович О. М.* Женщины Сибири во второй половине XIX — начале XX века (демографический, социальный, профессиональный аспекты) / О. М. Долидович, В. И. Федорова. — Красноярск : Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева, 2008. — 232 с. ISBN 978-5-85984-288-2.

6. *Зверев В. А.* Люди детные : воспроизводство населения сибирской деревни в конце имперского периода : монография / В. А. Зверев. — Новосибирск : Издательство НГПУ, 2014. — 278 с. ISBN 978-5-00023-048-0.

7. *Исупов В. А.* К вопросу о начале процесса демографического перехода в Западной Сибири / В. А. Исупов // Гуманитарные науки в Сибири. — 2010. — № 1. — С. 12—16.

8. *Кабузан В. М.* Заселение Сибири и Дальнего Востока в конце XVIII — начале XX вв. / В. М. Кабузан // История СССР. — 1979. — № 3. — С. 22—38.

9. *Кискидосова Т. А.* Смертность городского населения Енисейской губернии во второй половине XIX — начале XX вв. / Т. А. Кискидосова // Иркутский историко-экономический ежегодник. — Иркутск : [б. и.], 2010. — С. 537—540.

10. *Миронов Б. Н.* Российская империя : от традиции к модерну / Б. Н. Миронов. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2014—2015. — Т. 1. — 896 с.

11. *Пейзен Г.* Этнографические очерки Минусинского и Канского округов Енисейской губернии / Г. Пейзен // Живая старина. — Санкт-Петербург, 1903. — Выпуск 3. — С. 297—357.

12. *Покшишевский В. В.* Заселение Сибири (историко-географические очерки) / В. В. Покшишевский. — Иркутск : Иркутское обл. гос. издательство, 1951. — 208 с.

13. *Пронин В. И.* Население Сибири за 50 лет (1863—1913 гг.) / В. И. Пронин // История СССР. — 1981. — № 4. — С. 50—69.

14. *Сагайдачный А. Н.* Демографические процессы в деревне Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в. / А. Н. Сагайдачный. — Новосибирск : Издательство Института археологии и этнографии, 2000. — 142 с. ISBN 5-7803-0056-9

15. *Скляр Л. Ф.* Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы / Л. Ф. Скляр. — Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1962. — 588 с.

16. *Скубневский В. А.* Города Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX вв. / В. А. Скубневский, Ю. М. Гончаров. — Барнаул : Издательство Алтайского университета, 2003. — 359 с. ISBN 5-7904-0291-7
17. *Степынин В. А.* Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма / В. А. Степынин. — Красноярск : [б. и.], 1962. — 565 с.
18. *Тюкавкин В. Г.* Сибирская деревня накануне Октября / В. Г. Тюкавкин. — Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1966. — 471 с.
19. *Федорова В. И.* Енисейская губерния 1861—1917 : Экономика. Общество. Культура / В. И. Федорова. — Красноярск : Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева, 2016. — 342 с.
20. *Шилина А. С.* Население Восточной Сибири накануне и во время Первой мировой войны : гендерное соотношение / А. С. Шилина // Вестник Крас. ГАУ. Социально-экономические и гуманитарные науки. — 2015. — № 3. — С. 24—28.

RURAL POPULATION OF THE YENISEI PROVINCE AT THE TURN OF THE XIX—XX CENTURIES: SOCIO-DEMOGRAPHIC DYNAMICS

© Vera I. Fedorova (2020), orcid.org/0000-0003-2514-9728, Doctor of History, Professor, Department of Russian History, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia), vi-fedorova@yandex.ru.

The dynamics of quantitative and qualitative changes in the rural population of the Yenisei region is revealed from the standpoint of the theory of demographic modernization. The stages and features of demographic processes in the subregion, due to its geo-economic position, the influence of the colonization factor on fertility, mortality, nuptiality, population growth rates, changes in the demographic behavior of the peasantry, and its ethnic composition are revealed. Based on the analysis of the current administrative statistics published by the provincial statistical committee in the annual "Reviews" of the province and "Commemorative books", as well as the materials of the First All-Russian Population Census of 1897, the author comes to the conclusion that agrarian migrations in the region at the beginning of the 20th century acquired an explosive character, in contrast to a similar process in Western Siberia, which was extended over time. This led to the fact that the formation of a new demographic model, characteristic of modern society, took place in a specific way, since the features of the traditional model dominated in the resettlement environment: high birth rates and mortality, a large population of the peasant family, a younger age composition, intensive marriage, rare family divisions.

Key words: history of Russia; demography of Russia; Yenisei province; rural population; peasant colonization; resettlement policy.

MATERIAL RESOURCES

- Materialy po issledovaniyu zemlepolzovaniya i khozyaystvennogo byta selskogo naseleniya Irkutskoy i Yeniseyskoy guberniy. Yeniseyskaya guberniya* [Materials on the study of land use and economic life of the rural population of Irkutsk and Yenisei provinces. Yenisei province], IV (2). (1893). Irkutsk: Tipografiya K. I. Vitkovskoy. 129 p. (In Russ.).
- Obzor Yeniseyskoy gubernii za 1875 g* [Review of the Yenisei province for 1875]. (1876). Krasnoyarsk: Tipografiya gubernskogo pravleniya. 52 p. (In Russ.).
- Obzor Yeniseyskoy gubernii za 1887 g* [Review of the Yenisei province for 1887]. (1888). Krasnoyarsk: Tipografiya gubernskogo pravleniya. 39 p. (In Russ.).

- Obzor Yeniseyskoy gubernii za 1887 g* [Review of the Yenisei province for 1887]. (1889). Krasnoyarsk: Tipografiya gubernskogo pravleniya. 38 p. (In Russ.).
- Obzor Yeniseyskoy gubernii za 1890 g* [Review of the Yenisei province for 1890]. (1891). Krasnoyarsk: Tipografiya gubernskogo pravleniya. 48 p. (In Russ.).
- Obzor Yeniseyskoy gubernii za 1910 g* [Review of the Yenisei province for 1910]. (1911). Krasnoyarsk: Tipografiya gubernskogo pravleniya. 84 p. (In Russ.).
- Obzor Yeniseyskoy gubernii za 1911 g* [Review of the Yenisei province for 1911]. (1912). Krasnoyarsk: Tipografiya gubernskogo pravleniya. 68 p. (In Russ.).
- Obzor Yeniseyskoy gubernii za 1913 g* [Review of the Yenisei province for 1913]. (1914). Krasnoyarsk: Tipografiya gubernskogo pravleniya. 81 p. (In Russ.).
- Obzor Yeniseyskoy gubernii za 1914 g* [Review of the Yenisei province for 1914]. (1915). Krasnoyarsk: Tipografiya gubernskogo pravleniya. 82 p. (In Russ.).
- Pamyatnaya knizhka Yeniseyskoy gubernii na 1865 i 1866 gg* [Memorial book of the Yenisei province for 1865 and 1866]. (1865). Sankt-Peterburg: Tipografiya K. Vulfa. 314 p. (In Russ.).
- Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g* [The First General population census of the Russian Empire in 1897], 73. (1904). Sankt-Peterburg: izdaniye Tsentralnogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennikh del: Yeniseyskaya guberniya. 185 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Dolidovich, O. M., Fedorova, V. I. (2008). *Zhenshchiny Sibiri vo vtoroy polovine XIX — nachale XX veka (demograficheskiy, sotsialnyy, professionalnyy aspekty)* [Women of Siberia in the second half of the XIX — early XX century (demographic, social, professional aspects)]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet imeni V. P. Astafeva. 232 p. (In Russ.). ISBN 978-5-85984-288-2.
- Fedorova, V. I. (2016). *Eniseyskaya guberniya 1861—1917: Ekonomika. Obschestvo. Kultura* [Yenisei province 1861—1917: Economy. Society. Culture]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet imeni V. P. Astafeyeva. 342 p. (In Russ.).
- Goncharov, Yu. M. (2009). Nachalnyy etap demograficheskogo perekhoda v gorodakh Zapadnoy Sibiri [Initial stage of demographic transition in the cities of Western Siberia]. In: *Etnodemograficheskiye protsessy v Kazakhstane i sopredelnykh territoriyakh* [Ethnodemographic processes in Kazakhstan and neighboring territories]. Ust'-Kamenogorsk: Librius. 432 p. (In Russ.).
- Goryushkin, L. M. (1975). K kharakteristike narodonaseleniya Sibiri perioda imperializma [To the characteristics of the population of Siberia during the imperialist period]. In: *Voprosy istorii sotsialno-ekonomicheskoy i kulturnoy zhizni Sibiri* [Questions of the history of socio-economic and cultural life of Siberia]. Novosibirsk: Nauka. 75—89. (In Russ.).
- Isupov, V. A. (2010). K voprosu o nachale protsessa demograficheskogo perekhoda v Zapadnoy Sibiri [On the issue of the beginning of the demographic transition process in Western Siberia]. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia], 1: 12—16. (In Russ.).
- Kabuzan, V. M. (1979). Zaseleniye Sibiri i Dalnego Vostoka v kontse XVIII — nachale XX vv. [Settlement of Siberia and the Far East in the late XVIII-early XX centuries]. *Istoriya SSSR* [USSR history], 3: 22—38. (In Russ.).
- Kiskidosova, T. A. (2010). Smertnost' gorodskogo naseleniya Yeniseyskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX — nachale XX vv. [Mortality of the urban population of the Yenisei

- province in the second half of the XIX-early XX centuries]. In: *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskii yezhegodnik* [Irkutsk historical and economic Yearbook]. Irkutsk: [b. i.]. 537—540. (In Russ.).
- Mironov, B. N. (2014—2015). *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu* [Russian Empire: from tradition to modernity], 1. Sankt-Peterburg: Dmitriy Bulanin. 896 p. (In Russ.).
- Peyzen, G. (1903). Etnograficheskiye ocherki Minusinskogo i Kanskogo okrugov Yeniseyskoy gubernii [Ethnographic sketches of the Minusinsk and Kansk districts of the Yenisei province]. *Zhivaya starina* [Living antiquity], 3. Sankt-Peterburg. 297—357. (In Russ.).
- Pokshishevskiy, V. V. (1951). *Zaseleniye Sibiri (istoriko-geograficheskie ocherki)* [Settlement of Siberia (historical and geographical essays)]. Irkutsk: Irkutskoye obl. gos. izdatelstvo. 208 p. (In Russ.).
- Pronin, V. I. (1981). Naseleniye Sibiri za 50 let (1863—1913 gg.) [Population of Siberia for 50 years (1863—1913)]. *Istoriya SSSR* [USSR history], 4: 50—69. (In Russ.).
- Sagaydachnyy, A. N. (2000). *Demograficheskiye protsessy v derevne Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX — nachale XX v* [Demographic processes in the village of Western Siberia in the second half of the XIX — early XX century]. Novosibirsk: Izdatelstvo Instituta arkhologii i etnografii. 142 p. (In Russ.). ISBN 5-7803-0056-9.
- Shilina, A. S. (2015). Naseleniye Vostochnoy Sibiri nakanune i vo vremya Pervoy mirovoy voiny: gendernoye sootnosheniye [Population of Eastern Siberia before and during the First world war: gender ratio]. *Vestnik Kras.GAU. Sotsialno-ekonomicheskiye i gumanitarnyye nauki* [Bulletin of the Krasnoyarskogo GAU. Socio-economic and humanitarian Sciences], 3: 24—28. (In Russ.).
- Sklyarov, L. F. (1962). *Pereseleniye i zemleustroystvo v Sibiri v gody stolypinskoy agrarnoy reformy* [Resettlement and land management in Siberia during the Stolypin agrarian reform]. Leningrad: Izdatelstvo Leningradskogo universiteta. 588 p. (In Russ.).
- Skubnevskiy, V. A., Goncharov, Yu. M. (2003). *Goroda Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX — nachale XX vv.* [Cities of Western Siberia in the second half of the XIX-early XX centuries]. Barnaul: Izdatelstvo Altayskogo universiteta. 359 p. (In Russ.). ISBN 5-7904-0291-7
- Stepynin, V. A. (1962). *Kolonizatsiya Yeniseyskoy gubernii v epokhu kapitalizma* [Colonization of Yenisei province in the era of capitalism]. Krasnoyarsk: [b. i.]. 565 p. (In Russ.).
- Tyukavkin, V. G. (1966). *Sibirskaya derevnya nakanune Oktyabrya* [Siberian village on the eve of October]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoye knizhnoye izdatelstvo. 471 p. (In Russ.).
- Vishnevskiy, A. G. (1998). *Serp i rubl': Konservativnaya modernizatsiya v SSSR* [Sickle and ruble: Conservative modernization in the USSR]. Moskva: OGI. 432 p. (In Russ.).
- Vorobyev, V. V. (1975). *Formirovaniye naseleniya Vostochnoy Sibiri* [Formation of the population of Eastern Siberia]. Novosibirsk: Nauka. 259 p. (In Russ.).
- Zverev, V. A. (2014). *Lyudi detnyye: vosproizvodstvo naseleniya sibirskoy derevni v kontse imperskogo perioda. monografiya* [Children's People: reproduction of the population of the Siberian village at the end of the Imperial period: monograph]. Novosibirsk: Izdatelstvo NGPU. 278 p. (In Russ.). ISBN 978-5-00023-048-0.